

ЛЮДИ ИСКУССТВА

СВОЯ ДОРОГА

...Мягкий шум космического корабля. У пюльта пилота Бертон. Он взволнован. С членами экипажа начало происходить странное: оживают их давние воспоминания...

Вы помните перипетии фильма Андрея Тарковского по мотивам фантастического романа Ст. Лема «Солярис»? Космический колорит картины создан усилиями художника-постановщика Михаила Ромадина. Работа над фильмом шла в начале 70-х.

Фантастический реализм — так определяют художественную манеру живописца М. Ромадина сегодня. Из кино он принес в живопись специфическое видение мира. Глаз художника, как фокус объектива, фиксирует максимум информации. Множество мелких деталей работает на раскрытие основной идеи. Сферическая перспектива и многофигурность — эти принципы также пришли из кино.

Миша рос в семье художника. Николай Михайлович Ромадин — блестящий пейзажист, народный художник СССР — мог бы стать учителем для сына. Но «сын не учился у отца, а скорее вступал с ним в противоречие, — говорит Михаил. — Здесь не было той идиллической среды, как, скажем, в семействе американских художников Уайесов, где сын продолжает дело отца. Я же, наследуя дело отца, всем своим нутром восставал против копирования, подражания ему. Меня не устраивало воспринять в готовом виде то, что было найдено отцом в результате долгих метаний и поисков».

Ромадин-младший по-своему смотрел на многое. Время, в которое он вступал в жизнь, — 60-е годы — время оттепели. Хотелось нового, будоражащего. Поэзия А. Вознесенского и театральные постановки О. Ефремова в молодом «Современнике», новые веяния в кино и живописи — все это не могло не отразиться на взглядах молодого М. Ромадина. Тем более что в ту пору он попал в бурлящую атмосферу ВГИКа, подружился с А. Тарковским, А. Михалковым-Кончаловским, Г. Шпалниковым.

Первые его полотна вызвали резкую неприязнь отца. Надо видеть тонкие, лиричные, в духе лучших традиций русской живописи XIX века пейзажи Николая Ромадина, чтобы понять, насколько чужды ему были «формалистические выходки» сына. Отец, как и сын, был максималистом. Он рвал ранние работы сына, топтал их ногами. Кончилось тем, что Михаил ушел из дома. Скитался, снимал углы, жил на чердаках.

Как тут не вспомнить начало пути в искусство Ромадина-старшего? Очень уж перекликаются судьбы отца и сына.

...Детство Николая Ромадина прошло на берегах Волги, в Самаре. Его отец, Михаил Андреевич, хотя и не был художником, но в минуты душевного равновесия доставал «тайный» ящик с красками и писал морские пейзажи. Интересно, что при этом он ни разу в жизни не видел моря. Не отсюда ли и у внука Михаила страсть ко всему неизведанному, непознанному, далекому?

Дед был железнодорожником. О живописи думал не иначе, как о баловстве. Бранился, когда заставлял сына Николая за этим занятием. В конце концов Николай не выдержал и бежал из дома. Сел на паровоз и зайцем приехал в Москву. Учился во ВХУТЕМАСе у Фаворского, Фалька, Машкова. Мучительно искал себя. Начиная с историко-революционных полотен. Аскетичны и суровы, как само то время, его «Дзержинский в Орловском центре», «Интервенция», «Прифронтовой ревком».

Но уже перед самой войной под влиянием М. Нестерова понял, что он пейзажист. Его пейзажи ставят в один ряд с работами Шишкина и Саврасова. От этих картин можно озябнуть на ветру, вдыхать всей грудью весенний речной холодок, промокнуть насквозь от дождя, услышать запах сосновой подогретой хвои. Так воспринимал их К. Паустовский. Николай Ромадин получил всенародное признание. Сейчас его картины хранятся в лучших коллекциях мира.

...Непросто шел к своему стилю Михаил Ромадин-младший. Сначала увлекся абстракционизмом, сюрреализмом. Но со временем почувствовал — все это не его. Можно сказать, что нашел себя, когда написал полотно «Горящий элечек» — портрет киргизской женщины в национальном наряде. Именно по поводу этой картины впервые выступил в роли искусствоведа Андрей Тарковский.

Дружба с ним, начавшаяся еще с вгиковских времен, и совместная работа над фильмами не могли не повлиять на Ромадина-живописца. А потому появляется в его работах космизм, который своими корнями уходит в «Солярис». Причем имеется в виду не только космическая тема в его творчестве (хотя и

таковая присутствует), но и универсальный взгляд на мир, взгляд как бы из космоса.

Для него, как и для А. Тарковского, фантастическая исходная ситуация — лишь толчок для исследования глубин человеческого духа. Это глубинное, суть и стержень человека, надо искать на Земле, а не во вселенском далеке. На одном из полотен его друг Геннадий Шпалников балансирует на парапете набережной. Вот сейчас, кажется, он устремится ввысь, к манящим звездам, или, обессилев, рухнет в бездну. Где оно, человеческое счастье? Там, где живут холодные звезды, или здесь, на Земле, среди дорогих и близких тебе людей?..

Видимо, эти мучительные размышления привели Михаила к решению — помириться с отцом. В последние годы жизни Николая Михайловича они поняли друг друга. Сына не отталкивал больше академизм отца, отцу не претили авангардные поиски сына. Ромадин-младший все больше ценит верность натуре. Но при самой скрупулезной выписанности деталей в его сюжетах почти всегда присутствует нечто ирреальное. Наиболее показательна в этом отношении «деревенская» серия, где духи и домовые мирно уживаются с тружениками-селянами.

В то же время человек он сугубо городской. Как и многих горожан, пресыщенных урбанизмом, его угнетают бесконечная спешка и бессмысленная сутолока большого города («Пробка», «Тротуар»).

Порой сетуют на излишнюю перенаселенность полотен М. Ромадина. Интерес к изображению человеческой массы — в природе его кинематографического видения. Он — певец толпы. Ему интересно сопоставлять разные характеры. Обилие народа на холсте заставляет и зрителя задуматься о многом. Мы — лишь частичка этого общего движения. Надо вписаться в него, не нарушая его ритма.

Но часто художник не хочет быть в общей массе, сам вырывается из нее, видя, что все идет не в том направлении. В картине «Равнодушно смотрящий» единственный неравнодушный — автор. Он пытается вразумить толпу. Это почти плакат, крик об опасности: «Остановитесь, люди! Сделайте же хоть что-нибудь для своего спасения!».

Одно из лучших полотен Михаила Ромадина — «Битва», видимо, можно назвать программным. Художник называет его своим «Явлением Христа народу». Сверхзадачей художника было показать всю панораму Куликовского сражения. Но как это сделать? Если Франц Рубо увековечил Бородинское сражение в гигантской панораме, то М. Ромадин решил ограничиться двухметровым холстом.

При первом, беглом взгляде на картину она представляется багряно-красным ковром, по которому пулены черно-стальные цветы. Вглядевшись, можно различить тысячи фигур. Основные эпизоды битвы выписаны до мельчайших подробностей. Вот Сергиев инок Александр Пересвет в схватке с богатырем Мамаевым. А вот сам князь Дмитрий отвечает боярам, просившим его побережиться: «Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим...» Картина захватывает. Хочется стоять перед ней долго, внимательно рассматривать каждый эпизод сражения, находя все новые и новые подробности.

Искусство М. Ромадина современно и заслуживает того, чтобы его знали. В основном он известен у нас как художник кино и меньше — как живописец. В этом качестве его больше знают за рубежом. Его работы приобретают в Западном Берлине и Кельне, Чикаго и Будапеште, Вашингтоне и Варшаве.

Вот уже несколько лет внимательно следит за творчеством М. Ромадина известный парижский коллекционер Гариг Басмаджян. В 1986 году он организовал совместную выставку работ отца и сына Ромадиных. А недавно его богатая коллекция русской и советской живописи демонстрировалась в залах Государственной картинной галереи в Москве. Открывала выставку графическая работа М. Ромадина — вид галереи «Басмаджян» в Париже. Там же экспонировалось одно из лучших полотен художника «Битва».

Наши музеи купили четыре его работы, в том числе «Портрет отца» — Третьяковская галерея. В последнее время художник часто выставляется, не пренебрегая и малыми залами. Ездит по стране. Одна из выставок прошла в Москве, в Раменках, и называлась «Три поколения Ромадиных». А в Центральном доме художника на Крымской набережной сейчас экспонируется часть этой самой выставки. Она называется «Работы последних лет Михаила Ромадина».

М. ШИЦ.

● М. Ромадин у своей картины «Взрыв».

Фото А. Сизухина.